

Н. ХАНДАН

Бакинский славянский университет

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ПЕРЕВОДОВ РУССКОЙ ПОЭЗИИ НА АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ЯЗЫК

Аннотация. Статья посвящена проблемам перевода с русского на азербайджанский язык. Анализируются переводы видного азербайджанского поэта М.Мушфика из русской поэзии. Отмечается мастерство М.Мушфика в преодолении трудностей перевода, достижении им адекватности, эквивалентности в переводе, а также говорится о роли Мушфика в развитии поэтического перевода в республике.

Ключевые слова: *М.Мушфик, И.Уткин, С.Маршак, перевод, стихотворение, детская литература.*

Açar sözlər: *M.Müşfiq, İ.Utkin, S.Marşak, tərcümə, şeir, uşaq ədəbiyyatı.*

Key words: *M.Mishfig, I.Utkin, S.Marshak, translate, poem, children literature.*

Стихи талантливого русского поэта Иосифа Уткина, привлёкшие внимание читательской общественности ещё в 20 – 30 годы XX века, впервые на азербайджанский язык были переведены Михаилом Мушфиком. По свидетельству современников таких переводов было несколько. Но сохранился лишь перевод стихотворения «Ночной ручей». Перевод этого стихотворения мы находим в томе 3 Собрания сочинений поэта, изданного в 1973 году в издательстве Азернешр.

Обращение Мушфика к произведениям И.Уткина представляется нам закономерным, поскольку и М.Мушфик, и И.Уткин были поэтами одного поколения и, при всем различии в масштабе дарования и значения их творчества для своих национальных литератур, они были близки и по своим идейно-эстетическим воззрениям, по своим стремлениям к органическому синтезу лирического и эпического начал, личных и общественных мотивов. Стихотворение «Ночной ручей» в этом смысле чрезвычайно показательно. Пронизанное оптимизмом, с которым поэт движется навстречу будущему, и, одновременно, столь характерной для Уткина обязательной самоиронией, оно вбирает в себя лучшие черты пейзажной, любовной и гражданско-патриотической лирики русского поэта.

Вот он!

Слушайте и пейте.

Вот он!

Чей-то и ничей.

Как серебряная флейта,

Лег в песчанике ручей.
Он течет и балагурит.
А на нём,
Ясна, чиста
Золотой клавиатурой
Отразилась высота
Я застыл благоговейно,
Очарован высотой,
Надо мною
Муравейник,
Муравейник золотой! (4, 56)

Очевидно, что художественная сила этих строк заключается в ярких, зримых и одновременно неожиданных метафорах: высота, отразившаяся «золотой клавиатурой» в ручье, солнце – «золотой муравейник». Мушфик точно уловил горячую, восторженную интонацию уткинского стихотворения и постарался перевести его тем же отрывистым ритмом, лишь незначительно (на одну) изменив число стихов:

Budur ol!..
Dinləyin və için.
Budur o!
Bu çeşmə hər kimin
İsə də.
Kimsənin deyil ki,
Bu gümüş ney kimi
Uzanmış dərinin dibində.
Axır o, səslənib axır, o
Ağlıyor dərədə sanki bir piyano.
Yüksəklik döşündə
Ləkəsiz nurilə inikas etmədə,
Yüksəklik çəkiyor özünə məni də.
Mən dona qalmışım, başımın üstündə
Var kimi bir qızğın qarınca yuvası,
Bir altın qarınca yuvası (2, 293).

Как видно, М.Мушфик отказался от дословной передачи образов стихотворения И.Уткина, смело пошёл на их трансформацию, но сумел сохранить при этом саму суть метафорического мышления автора оригинала, его ассоциативные связи (в оригинале ручей ассоциируется с клавиатурой, в переводе Мушфика тихие звуки его течения напоминают звуки пианино), и, следовательно, переводчик сумел донести до азербайджанского читателя яркость и неповторимость художественно-образительных средств подлинника, при этом сохранив его идею и эмоциональный настрой, то есть, выполнив главную задачу переводчика, которая, по верному замечанию М.Лозинского, заключается в том, чтобы «копия оказывала на воспринимающего точно такое же действие, какое оказывает оригинал, написанный на чужом языке» (1, 94).

В целом перевод М.Мушфика чрезвычайно точно передает идейно-образноесодержание подлинника, однако при переводе его финала Мушфик допустил досадную ошибку, повлекшую за собой вынужденное его удлинение и, следовательно, нанесшую значительный ущерб художественному уровню перевода как такового:

Мне бы надо осторожней
Я запутался, ей-ей,
В этом чёрном бездорожье
Удивительных бровей.
Эти
чертовские веки
Этот
чертов синий цвет!
Но в каком, скажите, веке
Был рассудочным поэт? (4, 3)

М.Мушфик перевёл следующим образом:

Çiddiyyət lazım bu gedişdə

O siyah qaşların
Qarışiq, dolaşiq yolları,
Bu əsrin,
Ax, iştə.
Bu şeytan əsrinin çarpaşiq yolları,
Şaşırtmış nəhayət çarpaşiq yolları
Şaşırtmış nəhayət şairi.
Söyləyin hankı bir zamanda,
Söyləyin hankı bir məkanda
Gördünüz müqəyyəd şairi! (2, 210)

Перевод строки «Эти чертовские веки» как «Bu şeytan əsrinin çarpaşiq yolları» (т.е. «Эти пересекающиеся дороги дьявольского века»), что, видимо, явилось следствием того, что Мушфик принял русское слово «веко» (азербайджанское «göz qarağı») за слово «век» (азербайджанское «əsr»), Мушфик по сути искажил поэтический финал оригинала, внёс в него новый контекст, что сделало перевод неоправданно вольным. Вместе с тем, нельзя не отметить, что по звукописи, оркестровке стиля перевод не только не уступает, но и превосходит оригинал, звучит на азербайджанском языке как великолепные оригинальные стихи, что ещё раз подтверждает огромное мастерство Мушфика и ту огромную ответственность, с какой он подходил к переводческой работе, и действительно творческий, новаторский характер этой работы.

Подлинный пример творческого подхода М.Мушфика к переводу являет собой и его перевод знаменитого стихотворения С.Я.Маршака «Вот какой рассеянный», по праву вошедшего в золотой фонд русской детской поэзии. М.Мушфик придавал большое значение развитию этой области литературы, много и плодотворно работал он в ней. Однако в то время, как азербайджанская детская

литература только начинала формироваться, русская советская литература для детей уже прошла эту стадию, накопив ценный художественный опыт, выявив таких мастеров, как К.И.Чуковский, С.В.Михалков, С.Я.Маршак. Творчество последнего сыграло особую роль в становлении многих детских поэтов. Мушфик творчески воспринял и переосмыслил многие художественные достижения в области детского стиха: принципы выбора тематики, фабулы и идеи произведения, позволяющим сочетать нравственное воспитание с гражданским и патриотическим воспитанием. Известно, что поэтика детской литературы имеет свои особенности: парная схема рифмовки здесь предпочтительнее перекрестной; особая нагрузка ложится на рифму, которая должна быть как можно более звучной; приёмы создания комической ситуации должны быть просты и одновременно не наивны и т.д. Будучи выдающимся мастером детской литературы, С.Я.Маршак прекрасно сознавал это и блестяще воплощал в жизнь:

Жил человек рассеянный
На улице Бассейной.
Сел он утром на кровать,
Стал рубашку надевать
В рукава просунул руки –
Оказалось, это брюки.
Вот такой рассеянный
С улицы Бассейной.
Надевать он стал пальто –
Говорят ему: не то.
Стал натягивать гамачи –
Говорят ему: не ваши... (3, 3)

Вот как звучат эти строки в переводе М.Мушфика.

Gülüb deyər oğul-uşaq
Huşsuza bax, huşsuza bax.
Çarpayıda səhər erkən,
Köynəyini geyinərkən.
Şalvarına kecdi əli,
Bu iş deyilmi gülməli?!
Gülüb deyər oqul-uşaq
Huşsuza bax, huşsuza bax
Geyər-geyməz paltosunu.
Biri gəlib tutdu onu.
Dedi: "bir dayan, ay qotur,
Bu ki, qadın paltosudur".
O deyəsən bir az keydi.
Çəkməsini tapdı, geydi,
Üstünə taxanda qamaş,
Qızı dedi: - bircə yavaş (2, 156).

Нетрудно заметить, что Мушфик отклоняется от оригинала, вводит в перевод новое действующее лицо – дочь главного героя, которая «по-отечески» предупреждает отца; кроме того, он заставляет последнего надеть не просто не свое – женское пальто, но эти нововведения лишь заостряют имеющуюся в оригинале комическую ситуацию, не смещая, однако, акценты оригинала и достаточно верно передавая его содержание. Сохранение же схемы рифмовки, использования Мушфиком богатых, звучных рифм адекватно передает высочайший художественный уровень стихотворения Маршака, делая его фактом не только русской, но и азербайджанской детской литературы.

Следует отметить, что в этом стихотворении С.Я.Маршака особая нагрузка ложится на игру со словом как средством создания комического эффекта – без той слоговой путаницы, какая характерна для речи героя в трамвае, Рассеянный просто не будет Рассеянным:

Однажды на трамвае
Он ехал на вокзал.
И, двери открывая,
Вожатому сказал:
- Глубокоуважаемый
Вагоноуважатый
Вагоноуважаемый
Глубокоуважатый.
Во что бы то ни стало
Мне надо выходить
Нельзя ли у трамвая
Вокзал остановить?
Вожатый удивился –
Трамвай остановился (3, 4).

Дословная передача, подделка под этот монолог вряд ли дала бы идентичный эмоциональный, психологический и комический эффект: ведь переводчик, по меткому замечанию М.Лозинского, всегда «орудует материалом совсем другим, обладающим совсем иными свойствами, и с помощью этого своего материала должен добиться того же эффекта, который дается оригиналом» (1, 94). М.Мушфик отказывается в переводе от слоговой путаницы, не сохраняет словесную игру, одним из первых азербайджанских поэтов-переводчиков демонстрируя пути разрешения подобных сложных художественных задач, неизбежно возникающих при переводе:

Bir dəfə də tramvayla
O gedirdi düz vaqzala,
Tez qapını açdı birdən
Sürücüyə dedi həməən.
Ey qiymətli sürücümüz,
Mərhəmətli sürücümüz,
Dalmış idim xəyala mən,
Sizə qurban bu dayınız,
Tramvaya hayran qaldı,

Tramvayı saxlayınız.
Sürücümüz hayran qaldı,
Ona kəc bir nəzər saldı
Saxlayınca tramvayı.
Tramvaydan düşdü dayı (2, 159).

Интересно, что Мушфик здесь не просто вводит в текст каламбур, но и строит его в традиционной для азербайджанского языка манере: «Sizə qurban bu dayınız. Tramvayı saxlayınız» - «Да будет жертвой вам ваш дядя (то есть сам герой – Н.Х.), / Остановите трамвай!». Этот же подход вообще характерен для перевода М.Мушфика, что, в сущности, и привело к тому, что долгое время он считался излишне вольным и не был оценен по достоинству. Так, переводя забавную историю «путешествия Рассеянного», Мушфик заменяет мало что говорящие юному азербайджанскому читателю русские географические реалии хорошо знакомыми ему азербайджанскими, тем самым ещё больше приближая к нему героя, делая его «земляком» читателя.

У Маршака:

Он опять поспал немножко
И опять взглянул в окошко,
Увидал большой вокзал
Удивился и сказал:
- Это что за остановка –
Бологое или Поповка?
А с платформы говорят:
- Это город Ленинград (3, 8).

У Мушфика:

O yenə də yatdı, birdən
Boylanaraq pəncərədən
Önündə bir vaqzal gördü,
Bir asqırdı, bir ösgürdü:
Bu vaqzal hankı vaqzaldır?
Nəvahıdır, Səngəcaldır?
Stansadan dedilər ki:
Ay huşsuz, Bakıdır, Bakı... (2, 162)

Принципиальна ли здесь замена в переводе «Ленинграда» на Баку, «Бологое» - на «Сангачалы» и т.д. На наш взгляд, не только не принципиальна, но и более того, эта замена является той находкой переводчика, которые обогащают практику художественного перевода в целом, способствуют его развитию. А в этом смысле переводческая деятельность Мушфика не просто способствовала пропаганде и популяризации как «взрослой», так и детской русской литературы, но и становилась этапной в развитии практики поэтического перевода в республике, а, значит, в огромной степени способствовала интенсификации связей между русской и азербайджанской литературой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лозинский М.Л. Искусство стихотворного перевода. // В кн.: Перевод – средство взаимного сближения нар8.одов. М.: Прогресс, 156 с.
2. Мушфик М. Сочинения в 3-х томах. Т. 3. Баку: Азернешр, 1968 – 1973, 320 с.
3. Маршак С.Я. Вот какой рассеянный. Л.: Художник РСФСР, 1967, 95 с.
4. Уткин И. Стихотворения и поэмы. М.: ГИХЛ, 1961, 135 с.

XÜLASƏ

Görkəmli şair M.Müşfiq Azərbaycan mədəniyyəti tarixində yalnız orijinal yaradıcılıqla deyil, eyni zamanda rus poeziyasından etdiyi tərcümələrlə də məşhurluq qazanmışdır. Belə ki, onun rus şairləri İ.Utkindən və S.Marşakdan etdiyi tərcümələri indinin özündə də mahiyyətini itirməmişdir. Müşfiq tərcümə etdiyi şairlərin şeirlərin ideya məzmununu, bədii estetik səviyyəsini, keyfiyyətini və müəlliflərin üslubunu qoruyub saxlaya bilmiş, tərcümədə çox gözəl ifadə etmişdir.

SUMMARY

M.Mushfig, a famous writer gained popularity at Azerbaijani cultural history not only by his original creativity, but at the same time with translations made in from Russian poetry. His translations from Russian poetries as I.Utkin and S.Marshak don't lose their essence. Mushfig could save idea, literary esthetic level, quality of poetry and author's style. He could express all qualities in his translations.